

На дворе стоял 2049 год. Страна готовилась отметить вековой юбилей со дня основания Китайской Народной Республики. Повсюду вешали праздничные фонари, улицы тонули в огнях, и весь Китай бурлил от радостного предвкушения великого торжества.

В то время как обычные люди не могли сосредоточиться ни на учебе, ни на работе, мечтая поскорее поздравить Родину-мать, у Цзи Яо на уме было совсем другое.

Он грезил о завтрашнем дне — вернее, о свидании в музее, куда собирался пойти со старшим сокурсником, в которого был безответно влюблен.

Ну, как «свидании»... Это он сам себе так вообразил.

В самом начале прошлого месяца Цзи Яо наконец получил заветный конверт — уведомление о зачислении в Центральную академию драмы.

Десять лет изнурительной учебы... Ладно, кого он обманывает — не так уж он и утруждался. Кое-как наскреб несчастные баллы по общеобразовательным предметам, да и те оказались настолько позорными, что было бы стыдно перед великим историческим предком-однофамильцем, носившим то же имя.

Сам Цзи Яо любил повторять, что в стартовой локации все очки характеристик он влил исключительно во внешность. Мозгов для учебы у него просто не осталось. Особенно для математики.

Его родная сестра на это лишь качала головой. Мол, зато во всяких глупостях и сомнительных делишках у тебя таланта хоть отбавляй.

Стоило только вспомнить, как во втором классе Цзи Яо решал задачу по математике:

— Холодильник высотой два миллиметра, карандаш длиной в пятнадцать метров... Ты издеваешься?! — отец тогда не выдержал. — Веришь, что я тебя сейчас сорокаметровым мечомогрею за такие ответы?!

Цзи Яо лишь упрямо вздернул подбородок, мгновенно найдя железный аргумент:

— Так вашим сорокаметровым мечом как раз удобно затачивать мой пятнадцатиметровый карандаш!

Папа Цзи тогда чуть инфаркт не схватил. Он, член Академии наук, уважаемый ученый и интеллектурал до мозга костей, ума не мог приложить, почему рядом с собственным сыном превращается в закипающий чайник и начинает нести полную околесицу.

К счастью, природа не обделила его другими талантами — ну или хотя бы смазливой мордашкой. Цзи Яо уродился невероятно красивым. Еще в детстве его заметил агент по кастингу, и мальчик быстро вырос в успешного ребенка-актера. Он успел сняться со многими именитыми артистами, прочно заслужив статус «главного сына нации».

Но со временем Цзи Яо понял: пора менять амплуа. Пора взрослеть.

К своим шестнадцати годам он обзавелся огромной армией поклонников, но вот незадача: все они поголовно состояли из «мамочек», «папочек», «тетушек» и «бабушек». Ни единой влюбленной фанатки! Цзи Яо это ужасно задевало. С какой стати в самый разгар пубертата, когда в крови бушуют гормоны, окружающие питают к нему исключительно платонические, семейные чувства?

Впрочем, страдал он недолго. Очень скоро пришло еще одно осознание: девочки его, собственно, и не интересовали. Ему нравились парни.

Например, тот самый старший сокурсник Цзоу Ичэн — опытный актер, который в нескольких совместных проектах играл его экранного брата.

«Раз уж вы не хотите вздыхать по мне, — решил Цзи Яо, — буду вздыхать сам».

Но менять амплуа все равно было нужно. Кровь из носу.

С того момента он поставил себе четкую цель — поступить в Центральную академию драмы и учиться на одном факультете со своим кумиром. Цзи Яо готовился к нешуточному сопротивлению со стороны родителей и сестры, рисовал в воображении драматические семейные сцены, но все трое на удивление быстро и единогласно капитулировали.

Матушка лишь пожала плечами:

— Нравятся парни? Ну и ладно, какая разница, сейчас ведь и браки регистрируют. С девчонками только хлопот больше — с твоим-то характером еще поди разберись, то ли она тебя защищать будет, то ли ты ее.

Отец высказался не менее прагматично:

— В театральный собрался? Что ж, пожалуй, это единственное место, куда тебя с твоими баллами вообще возьмут. Твой позорный аттестат способны переварить разве что на актерском факультете.

А старшая сестра, Цзи Мэн, ласково потрепала его по плечу:

— Цзяо-цзяо, братишка, не переживай, если провалишься. Подумаешь, подготовишься еще годик. Остаться на второй год совсем не стыдно, поступишь рано или поздно.

«Ха!» — мысленно усмехнулся Цзи Яо. Хоть бы ради приличия кто-нибудь высказал хоть каплю протеста!

Никаких преград, никакого преодоления. Жизнь, лишенная трудностей, казалась ему пресной и невыразимо скучной.

Когда другие звезды спускались с красной дорожки, толпа фанатов взрывалась фотовспышками и лесом светящихся баннеров. У некоторых фан-клубов была даже единая форма, отрепетированные лозунги и строгая дисциплина — словом, организовано все было масштабно, солидно и красиво.

Дарили им тоже сплошь изысканные вещи: стильные кружки, декоративные подушки, коллекционные фигурки, дорогие часы или украшения.

А вот у Цзи Яо все обстояло несколько... иначе.

— А-а-а, сынок! Мамочка любит тебя, посмотри на мамочку!

— Малыш, тебе нужно больше кушать! Посмотри, как ты исхудал!

— Цзяо-цзяо! Бабушка принесла тебе горячих паровых пельменей, съешь хоть один, пока не остыли!

— Братишка, я купила твое любимое клубничное молоко! Если не хочешь, у меня есть банановое и дынное!

Сплошная еда.

Даже выдавшие виды сотрудники съемочной площадки всякий раз покатывались со смеху, глядя на столь специфическую заботу его поклонников.

Впрочем, сам Цзи Яо давно смирился со своей участью. Он приветливо улыбался, махал фанатам рукой и, если бы не испепеляющий взгляд стоявшего неподалеку менеджера, с удовольствием умял бы парочку пельменей прямо на месте.

Аромат стоял такой, что слюнки текли. Паровые пельмешки выглядели просто божественно.

Оставив автограф на приветственном стенде, Цзи Яо поспешил в гримерку, готовясь к

традиционной ежедневной головомойке от своего агента, Хун-цзе.

— Цзи Яо! Сколько раз повторять: нельзя есть то, что тебе суют фанаты! — с порога запричитала женщина. — Ты что, не читал в Вейбо, как на днях одного актера отравили хейтеры?

— Слышал, конечно, — примирительно отозвался юноша.

Цзи Яо поднял руку, призывая к логике:

— Но та бабушка... она ведь приходит ко мне на съемки еще с тех пор, как мне исполнилось тринадцать. Столько лет прошло! Неужели хейтеры способны на такую преданность, чтобы мотаться за мной по всем мероприятиям годами?

Едва договорив, он ловко перехватил за спиной небольшую коробочку, которую ему успела передать Ань Жань, выудил оттуда еще теплый пельмень и молниеносно отправил его в рот.

Как он и ожидал — объедение! У бабули золотые руки.

Хун-цзе, разумеется, прекрасно видела их махинации. Она тут же перевела огонь на притихшую ассистентку:

— И ты туда же! Потакаешь этому оболтусу, покрываешь его! Спелись, два сапога пара, одна шайка-лейка!

Ань Жань съежилась, не смея вымолвить ни слова. Хун-цзе наводила на нее ужас. Но с другой стороны — как тут устоять? Цзяо-цзяо ведь растет, ему нужно нормально питаться, а если оставить его голодным, он начнет ворчать и капризничать.

— Хун-цзе, — Цзи Яо восхищенно похлопал в ладоши, — благодаря моим скромным усилиям ваш словарный запас растет не по дням, а по часам. Какие идиомы, я просто поражен!

— Цзи Цзяо-цзяо!

Хун-цзе вела его уже пять лет. На ее глазах этот угловатый подросток превратился в статного, невероятно привлекательного юношу. Порой она и сама невольно вздыхала, поражаясь тому, как стремительно летит время. Мальчик вырос и действительно добился успеха.

Если бы только этот негодник не доводил ее ежедневно до предынфарктного состояния! Такое ощущение, что производители медицинского оборудования снижают цены на шунтирование сердца исключительно ради таких измученных агентов, как она.

— Цзи Яо, помяни мое слово, — процедила Хун-цзе сквозь зубы. — С твоей поразительной беспечностью ты рано или поздно влипнешь в такие неприятности, что мало не покажется.

— Не переживайте, Хун-цзе. Плохие люди живут долго. Я вас уверяю, мы с вами еще доживем до вашего столетнего юбилея, а на покой я уйду исключительно по старости.

Несносный мальчишка.

Какая муха укусила ее пять лет назад, когда среди сотен перспективных новичков она выбрала этого ходячего нарушителя спокойствия? Теперь ей ежедневно хотелось совершить какое-нибудь безумство, лишь бы заглушить подступающую стенокардию.

— Ладно, шутки в сторону, — Хун-цзе достала из сумки увесистый сценарий. — Ты ведь без умолку твердил, что мечтаешь о смене амплуа? Я выбила для тебя отличный шанс.

Цзи Яо взял папку и бегло пролистал страницы.

— Историческая драма... Боже мой, Хун-цзе, вы предлагаете мне совершить прыжок из мыльных опер прямиком в серьезный исторический проект? Не слишком ли крутой поворот?

— Без трудностей не бывает роста, — отрезала она. — Кто пару лет назад ныл, что мечтает о влюбленных фанатках, а не о толпе заботливых мамочек? Твои поклонники хоть догадываются о твоих истинных амбициях?

«Хотя вообще-то, — подумал Цзи Яо, — раз уж я окончательно определился со своей ориентацией, зачем мне вообще эти влюбленные девчонки?»

— Хорошо, я согласен, — вздохнул Цзи Яо. — Но с моим скромным опытом сыграть юного императора будет чертовски непросто.

Без должной подготовки он рисковал прямо в первом дубле выдать экранному отцу-императору классическое: «Ой, папуль, привет!» Это было бы слишком авангардно даже для современного искусства.

— Компания уже наняла для тебя репетитора по актерскому мастерству для индивидуальных занятий. Как только подтянешь навыки, отправишься на прослушивание. Твой будущий учитель — приглашенный профессор из твоей же Академии, у него отличные связи с руководством. Агентство возлагает на тебя большие надежды, так что постарайся не ударить в грязь лицом. Это масштабный, дорогой проект. Если получишь роль и справишься с ней, перед тобой откроются совсем другие перспективы.

Хун-цзе бывала резка на язык, но Цзи Яо прекрасно знал: она искренне заботится о его будущем.

Он послушно кивнул. В конце концов, у него была заветная цель, ради которой стоило как следует попотеть.

Начало учебного года всегда сопряжено с кучей забот. В Центральной академии драмы ленивых не держали — конкуренция была бешеной. Даже популярным молодым артистам приходилось разрываться между учебой и съемками, чтобы не растерять славу. Администрация вуза шла навстречу звездам, делая определенные поблажки, но сейчас даже Цзи Яо был вынужден прилежно посещать лекции.

С самого утра он чувствовал себя полумертвым от недосыпа. Единственной соломинкой, за которую цеплялось его угасающее сознание, была мысль о предстоящем походе в музей вместе с обожаемым сокурсником.

Первый учебный корпус Академии драмы

— Цзяо-цзяо, ты чего такой вареный? — шепотом спросил сидящий рядом приятель.

— Уснул только в два часа ночи, — вяло отозвался Цзи Яо. — Составлял маршрут для прогулки.

Оторвав голову от парты, Цзи Яо бросил быстрый взгляд на темный экран смартфона, используя его вместо зеркала. Вроде порядок: никаких темных кругов под глазами, безупречная внешность не пострадала.

Если бы преподаватели в начале семестра не устраивали зверские переключки на каждой паре, он бы сегодня ни за что не сполз с кровати.

К сожалению, успешно миновав проверку посещаемости, он тут же пал жертвой усыпляющей лекции по основам актерского мастерства. По глубокому убеждению Цзи Яо, суть лицедейства сводилась к искренности и умению сопереживать персонажу. Вся эта заумная теоретическая шелуха казалась ему совершенно бесполезной и лишь мешала спать.

—... Таким образом, приступая к работе над ролью, мы обязаны прежде всего полностью вжиться в образ. Необходимо детально представить, как ваш персонаж — с учетом его социального положения, характера и обстоятельств — повел бы себя в конкретном месте и в конкретное время. Как зазвучат его реплики...

Под мерное бормотание лектора юноша окончательно провалился в сон.

Ему пригрезилась пара удивительной красоты кубков. Они переливались всеми цветами радуги — он насчитал не меньше восьми оттенков. Цзи Яо никогда в жизни не видел ничего подобного. Но стоило ему протянуть руку, чтобы прикоснуться к изящной глазури, как в уши

ударил оглушительный стук, заставивший его испуганно вздрогнуть и распахнуть глаза.

— Цзи Яо! Отвечайте вы.

Цзи Яо мгновенно вскочил с места, сию секунду сообразить, где находится.

«О чем вообще речь?!»

Находясь в полном замешательстве, он незаметно ткнул локтем Фу Яна. Приятель одними губами быстро зашептал:

— Представь сцену: ты принц, перед тобой в императорском саду поет девушка. Твой выход, что ты ей скажешь? — из-за спешки Фу Ян успел набросать лишь общую канву.

Цзи Яо, все еще пребывая в прострации, ляпнул первое, что пришло в голову:

— Э-э... Спой еще раз? Очень недурно?

Аудитория покатила со смеху.

Фу Ян мученически закрыл лицо руками. Он просто физически не успел объяснить другу, что коварная девица по сюжету пыталась соблазнить царственную особу, а вовсе не демонстрировала вокальные таланты.

— Цзи Яо! — преподаватель так и побагровел от гнева. — А ну-ка сядьте и слушайте внимательно! Думаете, раз получили каплю популярности, то можно плевать на занятия и спать прямо у меня под носом? Немедленно возьмите себя в руки. Итак, продолжим...

«Убейте меня кто-нибудь...» — мысленно простонал юноша, сползая обратно на стуле.

Впрочем, винить, кроме самого себя, было некого. Спишь на парах — изволь выслушивать нотации. Позором больше, позором меньше... Ему не привыкать, шкура у него толстая, переживет как-нибудь.

С трудом дотерпев до обеденного перерыва, Цзи Яо наспех перекусил в студенческой столовой и дрожащими от волнения пальцами набрал номер обожаемого сокурсника.

— Алло, Цзи Яо? — раздался в трубке голос Цзоу Ичэна. Юноша в очередной раз подумал, что этот тембр — самое нежное и прекрасное, что ему доводилось слышать.

— Сюэчан Цзоу, помнишь, мы собирались сегодня в Национальный музей? — воодушевленно

затараторил он.

Когда они заканчивали работу над прошлым проектом, Ичэн как-то обмолвился, что ни разу в жизни не бывал в музеях. Цзи Яо тогда едва не лишился дара речи от удивления. Как такой утонченный человек мог пройти мимо храма искусства?! Это упущение требовалось немедленно исправить. Наверняка Ичэн тоже ждал этой встречи с замиранием сердца.

Что поделать, Цзи Яо принадлежал к той редкой породе романтиков, которые умудряются построить полноценные отношения исключительно в собственном воображении.

— Да, конечно, я помню, — мягко ответил Цзоу Ичэн. Он ненадолго замялся. — Ты сейчас где?

— Я только что пообедал! Давай встретимся у ворот академии!

Попрошавшись с Фу Яном, Цзи Яо подхватил рюкзак и практически вылетел из аудитории. Сегодня он нарядился в просторную белую толстовку, классические джинсы и новенькие «джорданы», дополнив образ стильной белой бейсболкой. Выглядел он непринужденно, свежо и чертовски привлекательно. Миновав зеркало в вестибюле, он заговорщически подмигнул своему отражению: «Ну каков красавец, просто герой нового поколения!»

Местом встречи они выбрали восточные ворота Академии. Национальный музей располагался буквально в двух шагах, так что они решили прогуляться пешком — прекрасная возможность продлить совместное времяпрепровождение.

Цзоу Ичэн учился на втором курсе и уже успел заработать неплохую репутацию в киноиндустрии. Пускай он начал сниматься позже Цзи Яо, тот без тени смущения продолжал называть его своим старшим наставником.

— Сюэчан! — Цзи Яо радостно замахал рукой, завидев знакомый силуэт. — Давно ждешь?

Оба были в защитных масках, скрывавших лица, но у Цзи Яо на предмет обожания был настроен идеальный радар — он узнал бы Ичэна из тысячи даже со спины.

— Нет, сам только что подошел, — с мягкой улыбкой отозвался Цзоу Ичэн.

От этой едва заметной улыбки у Цзи Яо внутри все сладко заныло. До чего же красивый, благородный мужчина! Цзоу Ичэн воплощал в себе все его скрытые фантазии — утонченный, спокойный, заботливый. Настоящий эталон домашнего уюта и тепла.

Да-да, в своих грезах Цзи Яо твердо видел себя в роли решительного, сильного защитника, несмотря на разницу в возрасте. Фу Ян, услышав об этих влажных фантазиях, лишь крутил пальцем у виска, но Цзи Яо упрямо продолжал гнуть свою линию.

Открыться прямо он пока не решался — предпочитал действовать тонко, прощупывая почву. Опыта в амурных делах у него практически не было, но когда-то же надо начинать? В конце концов, он уже взрослый парень и должен подходить к завоеванию сердца любимого человека со всей серьезностью.

Первое свидание обязано быть романтическим.

И культурный поход в музей подходил для этого как нельзя лучше.

Дорога пролетела незаметно за непринужденной болтовней. Точнее, говорил без умолку в основном Цзи Яо, а Ичэн лишь внимательно слушал, изредка вставляя короткие реплики и негромко посмеиваясь.

Оказавшись внутри, они обошли едва ли не половину экспозиций. Цзи Яо вел себя крайне шумно: метался от одного стенда к другому, оживленно жестикулировал, и даже плотная маска не могла скрыть его брыжущей через край энергии. Он буквально засыпал зрителей залов бесконечными вопросами, доводя бедных музейных работников до тихого исступления.

Со стороны могло показаться, будто это не он привел друга просвещаться, а его самого притащили на экскурсию. Цзоу Ичэн послушно следовал за ним по пятам, время от времени мягко соглашаясь с его бурными восторгами, отчего Цзи Яо чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

— Сюэчан, а почему ты раньше здесь не бывал? — поинтересовался Цзи Яо, разглядывая древний свиток под стеклом.

— В детстве у моей семьи не было на это лишних денег, — негромко ответил Ичэн, на мгновение посерьезнев. — А сейчас... учеба, бесконечные съемки, свободного времени почти не остается. Да и одному ходить как-то не думалось.

«Ну и отлично, что не думалось! — восторженно закричал внутренний голос Цзи Яо. — Ведь теперь у тебя есть я!»

Они провели в залах несколько часов и вышли на улицу лишь под вечер. Заметив, что раскрасневшийся Цзи Яо то и дело вытирает лоб, Ичэн заботливо произнес:

— Ты совсем упарился. Постой здесь, я сбегаю через дорогу, куплю нам чего-нибудь попить.

Цзи Яо послушно кивнул. Проводив друга взглядом, он лениво повернулся и вдруг замер на месте, заметив странного старика прямо у ступеней музея. Торговать здесь лоточникам строго запрещалось, и оставалось загадкой, как этого дедка до сих пор не прогнала охрана. Перед ним на расстеленной ткани громоздилась куча всякого хлама, но внимание юноши привлекло вовсе не обилие безделушек.

Среди прочего барахла стояли два кубка.

Точно такие же, какие он видел сегодня в своем утреннем сне. Они мягко светились изнутри, переливаясь благородной, чарующей глазурью.

— Дедушка, — не удержавшись, подошел ближе Цзи Яо, — эти кубки продаются?

Старик, одетый в довольно поношенные вещи, сидел на корточках, прикрыв глаза. Услышав обращение, он неторопливо приподнял веки. В его выцветших глазах на мгновение вспыхнул странный, пронзительный блеск.

— Продаются, — хрипло отозвался он.

Старик медленно поднял один палец:

— Тысяча.

— За пару? — уточнил юноша.

— За один.

— Это антиквариат?

— О да. Настоящая старина, им больше тысячи лет.

Цена казалась откровенным надувательством — уличный торговец явно разводил доверчивого туриста. Однако невероятное совпадение с утренним сновидением не давало Цзи Яо просто так развернуться и уйти. Даже если это дешевая подделка, любопытство взяло верх.

— Ладно, держите две тысячи, забираю оба, — Цзи Яо достал бумажник. Две тысячи юаней для него были не бог весть какими деньгами, а заполучить таинственную вещь безумно хотелось.

Однако старик покачал головой:

— Нет. Продается только один.

— Чего? — Цзи Яо опешил. — Вы отказываетесь от денег? Почему только один?

— Такова воля судьбы, — невозмутимо кивнул старик.

— Ладно, пусть будет один, — вздохнул юноша, решив не спорить со странным дедом. — Можно оплатить по QR-коду?

— Старик не признает электронных новшеств, — покачал головой торговец. — Только наличные. Впрочем, можешь забрать его сейчас. А деньги принесешь завтра. Я буду ждать тебя здесь же, в это же время.

— И вы совсем не боитесь, что я заберу товар и больше не вернусь? — удивился Цзи Яо.

— Не боюсь, — загадочно усмехнулся старик. — Ты обязательно придешь.

«Ну и чудаковатый старик... — подумал Цзи Яо. — Продает только один кубок, отдает его без оплаты под честное слово... Точно сумасшедший». И все же на душе было как-то беспокойно.

С детства родители учили Цзи Яо быть честным и держать слово. К тому же завтра во второй половине дня у него как раз не намечалось пар.

— Хорошо, договорились, — кивнул он, бережно принимая завернутый в ткань кубок. — Спасибо вам. Завтра я обязательно принесу деньги... А второй вы мне точно не продадите?

Старик лишь безмолвно улыбнулся и покачал головой. Когда Цзи Яо уже развернулся, чтобы идти, вслед ему негромко донеслось:

— Береги себя, парень. Смотри под ноги.

После этого дед снова прикрыл глаза и замер в той же позе, словно и вовсе не шевелился последние полчаса.

Сжимая в руках загадочный артефакт, Цзи Яо шел к дороге, теряясь в догадках. Все это выглядело слишком уж сюрреалистично.

На противоположной стороне улицы показалась знакомая фигура. Ичэн махал ему рукой, держа в руках две бутылки с водой.

— Цзи Яо, иди сюда!

Цзи Яо радостно заулыбался, махнул ему в ответ и, бросив быстрый взгляд по сторонам, ступил на пешеходный переход.

«Странно... — промелькнула в его голове запоздалая мысль. — Тот грузовик ведь только что был так далеко...»

В то мгновение, когда на него с оглушительным ревом вылетела многотонная фура, в его разуме не осталось места для страха.

За всю свою короткую жизнь он действительно не знал серьезных бед и преград. Но это внезапное препятствие, похоже, решило разом исправить несправедливость судьбы — и отправить его прямиком на небеса.

<http://bllate.org/book/20677/2113184>